

сюжетные коллизии, работу с текстами следует организовывать с учетом ментальных предпочтений учащихся. Аудиалы могут составить диалоги к прочитанному тексту, визуалы – описать героев или место действия, кинестетики – предложить свой вариант развития событий. А если объединить студентов с разными каналами восприятия в пары, выполняя эти задания, они будут развивать способности друг друга.

Объясняя новую тему, важно помнить, что только «многосенсорное представление информации» [2] позволит иностранным учащимся выбрать свой канал восприятия. Например, список новых слов мы рекомендуем рассортировать в аудиальные (ритмическая структура, рифма) и визуальные (длина слова, сходные морфемы) категории, а также использовать карточки с различными типами поверхностей или сопровождать проговаривание жестами и мимикой для воздействия на кинестетиков. Студенты могут сгруппировать слова самостоятельно по образцу.

Следует отметить, что ставшее общепринятым разделение людей на «правополушарных», творческих и «левополушарных», логиков, отрицательно сказалось на учебном процессе, долгие годы ориентированном на воспитание логиков-визуалов. Поэтому сегодня необходимо не просто перенести акцент на «правополушарные» умения, но стремиться к развитию всех видов способностей (визуальных, аудиальных, кинестетических), а обучение нацелить на тренировку «отстающей модальности» [2]. На первом занятии нужно провести специальное тестирование, определяющее ведущую модальность, а также наиболее привычные для каждой национальной группы студентов формы работы. Создание подобных тестов представляется перспективным направлением дальнейших исследований.

Преподаватель, использующий личностно ориентированный подход, должен оставлять свободу для творчества, создавать ситуации, в которых могут проявиться креативные идеи учеников. Например, такими заданиями являются «проекты» [4]. Проектная методика предполагает самостоятельную поэтапную работу студентов. Студенты делятся на микрогруппы, в каждой из которой обязательно есть сильный, средний и слабый ученики, разнополюсные студенты. Тема проекта или предлагается преподавателем, или выбирается самими учащимися. Далее в ходе совместного исследования с применением методов «мозгового штурма», «круглого стола», выдвигаются гипотезы, обсуждаются способы выполнения работы и варианты оформления конечного результата (видеофильм, альбом, стенд, стенгазета и т. п.). Затем следует презентация проектов, их «защита». Все члены микрогруппы получают одинаковые оценки.

Помимо разработок психологов, мы внедряем в преподавание РКИ технологии, предложенные мнемонистами [6]: ментальные карты Т. Бьюзена, упражнения, направленные на тренировку ассоциативных механизмов памяти и др. Эти задания повышают интерес к занятиям и самооценку студентов, а также развивают креативность мышления.

5. Важным условием стимулирования самостоятельной работы студентов является изменение форм контроля. Разные исследователи сходятся во мнении, что необходимо контролировать не только результат деятельности ученика, но и сам процесс, поскольку только в этом случае возможно выявить неэффективные способы действий и обучить правильным. Контролировать процесс могут сами студенты, оценивая свою деятельность и деятельность своих друзей. Принципиальным моментом здесь является существование четких критериев оценки, доведенных до сведения учащихся на первых же занятиях по предмету. Так называемый «оценочный контракт» [3] должен меняться в соответствии с индивидуальными особенностями учащихся, для того, чтобы происходило самооценивание обучаемыми эволюции своих умений и навыков по отношению к начальному уровню. Например, задания, требующие применения новых стратегий должны оцениваться выше, чем традиционно знакомые задания, в то же время выполнение большего количества стратегически легких, но однотипных заданий может дать ту же сумму баллов.

Выводы. Последовательное применение методики ЛОО и соблюдение всех вышеперечисленных условий, таких, как переосмысление роли преподавателя, изменение структуры занятия, расширение репертуара заданий, активизация творческого потенциала учащихся и замена форм контроля, становится залогом формирования навыков самостоятельной работы студентов, за счет усвоения ими средств и способов построения собственной деятельности.

Литература

1. Григорьева Т. Г., Линская Л. В., Усольцева Т. П. Основы конструктивного общения / Методическое пособие для преподавателей // www.koob.ru
2. Гриндер М. Исправление школьного конвейера // www.koob.ru
3. Давер М. В. Мотивационно-стратегические аспекты личностно ориентированного обучения языкам на начальном этапе. – СПб.: Златоуст, 2006. – 260 с.
4. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Учебное пособие под ред. Е. С. Полат. – М.: Академия, 2005. – 272 с.
5. Сериков В. В. Образование и личность. – М., 1999.
6. Семенов Т. А. Педагогическая мнемоника в РКИ // Язык как инструмент познания и зеркало эпохи. – Симферополь: Универсум, 2007. – С. 132-136.

Сереброва С. Б.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ УКРАИНСКИХ МАСС-МЕДИЙНЫХ АВТОРСКИХ ТЕКСТОВ

Исследователи современных масс-медиа [1; 2; 3] отмечают, что если раньше основным средством экспрессивно-эмоциональной выразительности текстов служили метафоры, то сейчас акцент сместился в сторону использования «чужого» слова. С. Н. Сметанина [1] объясняет этот факт тем, что «теперь медиа-текст, форсирующий цитатное письмо, отдает критерии оценке культуре, ее приоритетам, ее содержательным и эстетическим компонентам. Журналист мог бы использовать и знаки языка вместо цитат для передачи того же смысла. Но он украсил текст «чужим» словом. И здесь необходимо отметить парадоксальный момент, важный

для признания цитатного письма не только модным способом создания текста, но и по-журналистски эффективным для коммуникации. Процесс выбора этого знака, безусловно, связан с индивидуальным вкусом, индивидуальными приоритетами, менталитетом пишущего, его энциклопедическим потенциалом» [1, с. 133].

Анализируя статьи современных журналистов, мы остановились на книге О. Забужко «Репортаж із 2000-го року» [4], во-первых, потому что в ней наиболее ярко подтверждается мысль о востребованности в современной журналистике так называемого «чужого» слова, во-вторых, потому что в ней отражена яркая индивидуальная манера письма. Интеллект и образованность автора вызывают несомненный интерес читателя. Безусловно, рассматриваемая нами книга Оксаны Забужко, может быть отнесена к интеллектуальному чтению и этим же, на наш взгляд, мотивировано издание газетных статей в качестве отдельного сборника. Несмотря на то, что книга издана в 2001 году, а статьи написаны в 2000-ом, она удивительно актуальна и, что интересно, не менее злободневна. Это говорит о несомненном таланте журналиста и точном выборе темы «репортажей».

Целью данной статьи является анализ использования в авторском тексте прецедентных феноменов или «цитатного письма» (термин постмодернистов), их влияние на стилистику изложения, а также воздействия на читателя.

Итак, приведем показательный пример из статьи под названием «Дискотека з Великим Братом», а затем проанализируем его с точки зрения правомерности использования «чужого» слова в представленном отрывке.

«На гадку спадає анекдот із піонерського дитинства: убраний у джинси, Ленін проголошує з броньовика свою історичну фразу, мовляв, *революція, про яку так довго говорили більшовики, відбулася* – «а тепер дискотека!» Тоді це здавалося неймовірно смішним. Цитуючи іншого підрадянського класика – «*а воно й ніяк не смішно*»: масом-бо до діла, шановне панство, з типовим аудіо тоталітаризмом, пре вичерпно описаним ще в *Дж. Орвелла*, – якщо пригадуєте, одним із найтяжчих побутових жахів його вигаданого (?) суспільства 1984 були власне «на стало» ввімкнені радіоточки. Нині *Великий Брат* нагадує нам на ескалаторах метрополітену (металевим жіночим голосом и таким самим металевим стилем) то про необхідність триматися за поручень – посилаючись на всілякі нещастя, які за останній календарний місяць спіткали тих, хто цього не робив (перепрошую, але цієї музики я також не замовляла!), – то про, знов-таки, необхідність заповнити податкову декларацію, причому чогось у Жовтневому районі, ще із поданням адреси, і з тією абсолютно мені непотрібною «кімнатою сто чотири» на слуху (в *Орвелла* пригадується була «*сто один*»?) я й вискакую, нарешті, нагору, на тихі води, на ясні зорі – уфф? (Якщо тільки не бомба не по тім'ячку з першого-ліпшого кіоску яким-небудь, прости Господи, *Тамбовом*...) Що характерно – пасажери покійно, без жодних ознак невдоволення, вислуховують усі ті громи на свою голову: народні *вуха*, вже, як добре треновані м'язи, звиклі до постійного навантаження, – привчені, що в них повсякчас пакується якась звукова «*локишина*», тож яка різниця, музична чи словесна, «ла-ла-ла» чи «гав-гав-гав»? Тим більше, що інтонаційно, тобто за винахідливістю музичного рисунка, перше не надто відрізняється від другого...» [4, с. 19]

Приведений отрывок в полной мере иллюстрирует, во-первых, несомненное умение автора в одном небольшом фрагменте использовать все прецедентные феномены, мастерски включив их в ткань повествования: пересказать анекдот (прецедентный текст), процитировать известную всем жителям постсоветского пространства фразу (универсальное прецедентное высказывание), далее идут ретроспекция с опорой на фоновые знания – Джордж Оруэлл и его произведение «1984» (прецедентное имя и прецедентная ситуация), словосочетание «Великий Брат» тоже богато ассоциациями (хотя все понимают, что речь идет о России – прецедентное имя), упоминает известную всем современную песню «Мальчик едет в Тамбов» (одного слова «Тамбов» достаточно, чтобы понять, о чем идет речь, – прецедентное имя). И завершается абзац завуалированной (но, тем не менее, абсолютно прочитаемой) поговоркой «вешать лапшу на уши» – прецедентное высказывание, перемежающееся авторским текстом, которое используется весьма свободно, что тоже является одним из современных приемов употребления «крылатых» выражений в языке современных СМИ. Таким образом, мы видим на конкретном примере, что данный прием ввода в свой текст «чужого» слова или «цитатного письма» [1, с. 109], или «прецедентных феноменов» [3, с. 171], придает изложению полифункциональность, может быть использован для различных стилистических целей, «снимает точность, конкретность формулировок и увеличивает степень условности изложения. Между предметом (ситуацией, лицом) и его представлением в тексте оказывается посредник: не прямое наименование, а знак другой культуры. А. К. Жолковский называет его «интертекстуальный коррелят» [1, с. 137]. В приведенном выше отрывке это отразилось в полной мере, потому что помимо темы статьи: навязчивая музыка, которая нас преследует и в транспорте и на улице, здесь присутствует и второй план, как то: отсыл к произведению Оруэлла, намек «якобы пригадуєте, одним із найтяжчих побутових жахів його вигаданого (?) суспільства 1984», один вопросительный знак отвергает нас в раздумья по поводу процессов в нашей стране, то есть, можно сказать, что прецедентные феномены «позволяют решать и некоторые дополнительные эстетические задачи, выступая в роли своеобразных «усилительных» средств в раскрытии художественного образа» [1, с. 225]. Исследователи даже называют такие случаи наслоения одного текста на другой гиперцитацией. Цитата становится гиперцитатой в том случае, когда одного источника недостаточно для ее нормализации в тексте.

Чаще всего Оксана Забужко в своих «репортажах» использует цитаты из классиков (в данной книге найдено 32 цитаты), причем, автор, как правило, в большинстве случаев называет автора и цитирует по всем правилам, независимо от степени его известности. Активно используя в своих статьях на разные темы пословицы и поговорки, идиомы (русские и украинские), всего было обнаружено 22 единицы, автор добивается разных стилистических целей, цитаты из песен тоже употребляются автором достаточно часто – 15 раз. Все эти выражения исследователи [2; 3] относят к «прецедентным высказываниям». Автор обращается как к классическим текстам, так и текстам массовой культуры, в частности, к песням. Причем, что интересно, в качестве цитат используются только русские и советские песни, что целиком оправдано, так как именно они

являются наиболее известными всем жителям постсоветского пространства и, таким образом, полностью соответствуют определению прецедентности.

Вслед за С. Н. Сметаниной [1, с. 125] выделим следующие способы внедрения в медиа-текст прецедентных феноменов и рассмотрим их на конкретных примерах.

1. Текст А («чужой») = тексту Б («своему») «В случае их тождества цитатой пишется свой текст. Она, как и слово, замещает явления и предметы реального мира. Употребление кавычек здесь факультативно» [1, с. 125]:

«...недарма ж саме звідси «*єсть пішла*» гедоністична філософія» [4, с. 35];

«Але про нього я писати не буду: письменник на книжковому ярмарку (не лише Франкфуртському чи Лейпцігському, а тепер уже і Львівському також: «*і ми, Хімко, люди!*»)» [4, с. 66];

«...словом, не лишилось від сердечної Америки ... ну буквально живого місця: «*Дрожь, Кавказ, идет Ермолов!*...» [4, с. 84].

Приведенные примеры полностью подпадают под приведенную выше формулировку, они общеизвестны, придают выражениям иронию и экспрессивность, журналист цитирует их на языке оригинала, что тоже как бы привлекает к ним дополнительное внимание читателя.

В следующих иллюстрациях автором используются украинские поговорки, аналогов которым нет в русском языке. Такие примеры в книге украиноязычной журналистки встречаются очень редко. И это не удивительно. За долгие годы совместного существования сформировалось общее когнитивное пространство, поэтому многие прецедентные феномены существуют в русском и украинском языках как абсолютные синонимы:

« ...– то жертви не лише бездушної і тупої російської державної махіни, а й, непрямым чином, рідної української, зовсім не менше бездушної і тупої, котра й погнала їх *світ за очі* по шматок хліба...» [4, с. 65]

«Молодий мужчина, в тимчасовому робочому просторі, скаржився товаришеві на безділля – ну геть, мовляв, *нема за що рук зачепити*...» [4, с. 60];

«О ось тут я що називається *сіла маком*» [4, с. 40];

«... (і, як правило, теж *Богу Духа винний*) ...» [4, с. 57].

Более частотными и употребительными в тексте являются пословицы и поговорки, синонимичные в русском и украинском языках. Это свидетельствует о том, что можно говорить об общем когнитивном пространстве, которое закреплено в культурном наследии двух народов.

«...Погодьтеся, коли половина людства *стоїть на вухах* і ти нервово клацаєш пультом телевізора в пошуках хоч якоїсь підказки для зрозуміння ситуації...» [4, с. 11]

В этих примерах журналист прерывает цельность фразеологизмов своими словами, что создает эффект смешения стилей, а также формирует новый смысл.

К прецедентным высказываниям относятся цитаты из текстов различного характера. Автор обращается как к классическим текстам, так и к текстам массовой культуры, в частности, к песням. Причем, что интересно, в качестве цитат используются только русские и советские песни, что оправданно, так как именно они являются наиболее известными всем жителям постсоветского пространства и, таким образом, полностью соответствуют определению прецедентности.

2. Текст А – иллюстрация к тексту Б. «В этом случае он отделяется от собственного изложения (шрифтом, кавычками, особой позицией в композиции текста)» [3, с. 127].

«При цьому щоразу розігрувався той самий сценарій: солідні, сильно напахчені «Cartier» добродії в стодоларових краватках запрошували мене на розмову до ресторану, де за Шаблі, суші й виноградними равликами довго розповідали про себе в стилі Карлсона, що живе на даху, – про те, які вони «*вродливі, розумні і до міри затовсті мужчини в розквіті сил*», – і врешті давали зрозуміти, що для успішної реалізації проекту нам варт би кудись удвох з'їздити, ну, для ближчого знайомства...» [4, с. 30]

Хочется отметить литературное чутье, владение словом и умелое (всегда к месту) использование цитат (эмоционально точных), подчеркивающих мысль автора.

3. Текст А – материал для создания текста Б. «Здесь интертекстуальные связи сложнее. По сути обнаруживаются три текста: текст А – обломок текста А (при исключении фрагментов, которые препятствуют тому, чтобы использовать его полностью) – текст Б, по-своему восстанавливающий объем «чужого» текста. Характер восстановления определяет та реальная ситуация, для номинации которой отобран всплывший в памяти прецедентный феномен. При этом медиа-текст может содержать сигналы того, что в основе рассуждения – переработка чужого источника, или симулятивно игнорировать ссылки на него» [1, с. 127].

«Мовби сама наша епоха («о прекрасний час, неповторний час», як писав радянський класик у 1933 р.) загула до мене соковитим баритоном Олександра Ткаченка» [4, с. 40].

В этом примере ПВ О. Забужко сопровождает годом написания (ПС) – год голодомора в Украине и сразу возникает вопрос, как мог поэт в такое время написать эти слова.

Прецедентное имя, как и прецедентный текст, относится к вербализуемым феноменам, то есть таким, которые хранятся в сознании индивида данной культурной общности и при необходимости могут быть воспроизведены

«І – впізнано, ох як упізнано! Бо всі вийшли з цієї самої сімдесятилітньої «*шинелі*» – з культури, яка свого часу, ще в 20-ті роки, рішуче скасувала і викоренила з умів і душ на цілі покоління наперед етичне поняття жертви. Ні, не героя, котрий, гордо випнувши груди, як на картині Йогансена «Допрос комуністів», помирає, а не здається, і справа його живе, і тому і тільки тому, піонери несуть до пам'ятника квіти...» [4, с. 64]

В этом фрагменте использовано три прецедентных феномена, которые участвуют в новом смыслопорождении: ПИ – название рассказа Гоголя «Шинель», прецедентная ситуация – 20-е годы, ПТ – картина Йогансена «Допрос коммунистов». Рассуждая о гибели моряков «Курска», журналистка говорит о том,

что в наших странах насаждали понятие героической смерти, и, в данном случае опираясь на приведенные выше прецедентные феномены, экспрессивно иллюстрирует свою мысль.

В заключение, подводя итог, следует сказать, что в книге О. Забужко чаще всего используются прецедентные высказывания, с помощью которых автор решает разные задачи: дополняет собственный текст, иллюстрирует мысль, снижает или понижает пафос статей, использует в качестве метафоры, делает изложение эмоционально и экспрессивно окрашенным.

Употребляя в одном отрывке разные прецедентные феномены, журналистка как бы продуцирует новый текст, насыщенный аллюзиями, ретроспекциями и реминисценцией, делая повествование более ярким, насыщенным и содержательным

Вообще исследование письма, индивидуальной авторской манеры, «языка» журналиста в настоящее время представляется очень актуальным и перспективным в свете теории о том, что формирование литературного языка переместилось из художественной литературы в публицистику, на страницы СМИ.

Список литературы

1. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. – Изд-во В. А. Михайлова, 2002. – 251с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
3. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 369 с.
4. Оксана Забужко. Репортаж із 2000-го року. – К.: видавництво «Факт», 2001. – 96 с.

Сидельников В. П., Дроботенко В. Ю. О СУЩНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В свое время (XII Международный съезд славистов) О. Н. Трубачев, говоря о месте и роли современного научного направления, именуемого когнитивизмом, вспомнил метафору одного из русских лингвистов, работающего в Чехии: «Языкознание – это наука возвратов». При этом ученый приводит библейское изречение: «Бывает нечто о чем говорят: «Смотри вот это новое», но это уже было в веках, бывших прежде нас».

В какой-то мере одним из таких возвратов и является обращение современных лингвистов (и не только их) к проблеме языковой компетенции.

Запущенный Н. Хомским в научный оборот термин «языковая компетенция» получил впоследствии различные толкования, чаще всего далекие от исходного, т. е. «хомскианского». Что же было за этим термином вначале. Изначально, по Н. Хомскому, общая теория языка основывается на противопоставлении языковой компетенции и использования языка. Дж. Лайонз, известный британский лингвист, так истолковывает эти два понятия: «Языковая компетенция – это часть знаний, а именно знаний о языке, благодаря которым говорящий способен построить бесконечно много предложений, составляющих данный язык, что соответствует предложению Хомским определению языка, как множества предложений на этом языке». И далее Дж. Лайонз продолжает: «В противоположность этому использование языка представляет собой языковое поведение, а оно в свою очередь определяется помимо языковой компетенции говорящего множеством лингвистических факторов, включающих, с одной стороны, принятые в данном обществе условности, представление об окружающем мире, эмоциональное отношение говорящего к предмету сообщения, его презумпции относительно адресата и т. д., а с другой стороны – психологические и физиологические механизмы, участвующие в процессе порождения высказываний» [2, с. 210].

Давайте задумаемся в определение этих понятий. Что же есть компетенция вообще? Согласно энциклопедическому словарю, компетенция – это знания и опыт в той или иной деятельности [6, с. 621]. О каких знаниях и о каком опыте должна идти речь, если их соотносить с понятием языковая компетенция. Знание языка – это знание правил, которые говорящий использует, строя свою речь. Знания этих правил в определенной мере основаны на врожденной языковой способности к построению и анализу тех высказываний, которые он слышит с детства. Стихийное, а затем целенаправленное обучение языку, а точнее, его устройству, собственно и формируют языковую компетенцию. И как отмечено в энциклопедическом определении компетенции, составной ее частью является опыт, т. е. приобретение речевых умений и навыков в процессе коммуникации, а точнее речевой деятельности.

Очень важной стороной, а точнее сущностной характеристикой языковой компетентности является врожденная языковая способность, которая, по мнению Клода Ажежа, «имплицитно содержится в понятии компетенции» и «что благодаря этой естественной способности ребенок в состоянии использовать модели предложений, которые он обнаруживает в речи окружающих и по образцу которых он самостоятельно строит языковые высказывания. Именно способность понимать языковые структуры заложена в нейробиологических структурах человеческого мозга, и эта способность присуща всем представителям человеческого вида и носит врожденный характер. Но при этом следует разграничивать понятие врожденной способности к языку и врожденное языковое знание: языковое знание у человека эволюционирует как в филогенезе, так и в онтогенезе, эволюционирует в направлении к наибольшей сложности, так как нужды компетенции в процессе развития человеческого общества «порождают потребность во все более сложных построениях» [3, с. 18].

Говоря о врожденной способности человека к языку, т. е. его усвоению, владению им в процессе коммуникации, нельзя обойти и тот природный фактор, как особые способности владения языком в различных сферах речевой деятельности: способности к усвоению и владению многими языками (полиглотство), искусство речи в словесном художественном творчестве, ораторское искусство, искусство дипломатической речи и др.

В этой связи в последние годы в лингвистике обозначился устойчивый интерес к языковому творчеству. Следует тут же заметить, что слово «творческий» постепенно вытесняется модным ныне словом «креативный». Хотя в отдельных случаях употребления последнего предпочтительнее в терминологии.